

Не в кадиле дело

Об актуальности светского христианства. Что делать человеку, потерявшему доверие к официальной церкви

Фото: Дмитрий Киселев / Коммерсантъ

09:07, 22 октября 2024,

Испокон веков существует форма христианства, которая никогда не претендовала на отдельное место в христианском мире. Она существует стихийно в образе мыслей и поступках тех, кто во все времена по разным причинам держится в стороне от церквей своих предков. Христианское понимание смысла жизни становится их собственным не благодаря церковному окормлению, а под влиянием их среды и культуры. Общепризнанного обозначения такой формы христианства не было. Его название появилось только в нашу секулярную эпоху, и не одно.

В западной части христианского мира сейчас на слуху выражение *cultural christianity* (культурное христианство). Уже имеется статья в англоязычной Википедии о «культурных христианах». На мой взгляд, она довольно невнятная, но сам факт ее появления как бы узаконивает такую самоидентификацию.

А когда важно отделить духовное учение о смысле жизни, отобразившееся в Евангелии, от церковных догм и ритуального богослужения, то напрашивается название светское христианство. Оно соотносится с безрелигиозным, или секулярным христианством лютеранского пастора и теолога Дитриха Бонхёффера (1906–1945). Впрочем, конфессиональные принадлежности здесь не имеют значения. Речь идет о восприятии содержания Евангелия не религиозным вероучением, а духовной философией жизни. Понятно, что это совсем другое отношение к первоисточнику всех форм христианства.

То, что Евангелие можно толковать по-разному, доказывает и многообразие существующих вероучений. Каждое из них дает свой ответ на вопрос, как жить по христианским заповедям. Не берусь судить, насколько эти ответы отличаются друг от друга,

но ясно другое: все они предполагают соответствующую веру.

Вот здесь и камень преткновения: в современных секулярных социумах больше неверующих, чем верующих, а среди верующих растёт число маловеров и религиозных индивидуалов.

Фото: Виталий Невар / ТАСС

Мир стал секулярным

Влияние на умы соотечественников фашистской идеологии и бессилие церквей противостоять ненависти людей друг к другу и войнам навели Бонхёффера на мысль, что церковное окормление изжило себя. Мир стал секулярным, думал он, и

теперь востребованы не церковные наставления и обряды, а поддержка людей в практическом освоении образа жизни с духовными ориентирами без оглядки на канонические вероучения. Христианство найдет свое место в этом мире, если тоже станет секулярным. В таком христианстве потребность у современного мира есть, считал он.

Дитрих Бонхёффер. Фото: википедия

Не дожив до конца войны, Дитрих Бонхёффер оставил после себя только рассуждения о необходимости безрелигиозной (и в этом смысле — светской) конфигурации христианства. Его мысли вызвали резонанс в послевоенные годы в западных странах, но так и не возникло концепции светского христианства как его правомерной разновидности наряду с каноническими вероисповеданиями. Произошло другое. Разочарования в действенности проповедей и обрядов вызвали

в 50–60-е годы едва не массовый отказ от церковного окормления послевоенной молодежи. Духовные учения Востока с перспективой самостоятельного духовного пути и собственного кредо стали ей ближе, чем вера предков, и так это осталось до сих пор.

Параллельных процессов в том же формате и с тем же значением в послевоенном СССР не было, да и не могло быть. (Я оставляю здесь без внимания похожие явления в культуре советского андеграунда, поскольку они не влияли на духовную жизнь общества своего времени.) Но в истории русского духовного поиска еще в XIX веке выделилась личность, в мыслях и творчестве которой отобразились все особенности христианства как философии жизни, не нуждающейся в предписаниях религиозных институций: это Лев Николаевич Толстой.

Христианство как самостоятельный духовный путь

Подход Толстого к сущности Евангелия был по своей сути светским. В его понимании, основоположник христианства, которого при жизни звали Иисусом из Назарета, проповедовал не новое вероучение, а новую философию жизни со своим духовным путем, которому можно следовать самостоятельно. Для современников он был учителем жизни, а религиозное предание о его личности сложилось позже и в результате вытеснило прежнее отношение к нему и его проповедям.

Взгляды Льва Толстого породили толстовство, просуществовавшее в России до 30-х гг. прошлого века, но оно не вызвало к себе серьезного отношения ни тогда, ни позже, чего, впрочем, и нельзя было ожидать в советское время. Когда же начиная с конца 80-х гг. в России уже ничто не препятствовало свободе духовного поиска, самым массовым движением стало возвращение к православию. Место духовного

лидера постсоветского общества заняла РПЦ, и в ее пастве перестали быть исключением интеллигенты.

Такую метаморфозу приветствовали многие влиятельные деятели культуры в девяностые и нулевые годы, даже те, кто оставался атеистом и агностиком.

Резонансные публикации о духовных потребностях постсоветского общества не позволяют думать, что в нем возник сколь-нибудь значительный интерес к христианству как универсальной философии жизни, не привязанной к православному вероучению.

Для многих такая привязанность была даже желательной, так как она воспринималась частью своей идентичности.

Новая ситуация

И вот положение вещей изменилось снова. Деятельность РПЦ в последние годы вызвала в интеллигентской среде отторжение, и это при том, что уважение к христианству в целом, как духовной основе европейской культуры, осталось неизменным. Конечно же, верующие, отойдя от церкви, остаются со своей верой и исходящими из нее ответами на вопрос «как жить?» — главный вопрос в периоды внезапных социальных перемен. А вот если пропала не только внутренняя связь с церковью, но и вера, которую она проповедует? Или эта вера ослабла? Или была не она, а надежда на нее, и вот теперь этой надежды не стало? Тогда теряют силу и ответы на вопрос «как жить?» из церковных проповедей и богословских трактатов.

Но встает другой вопрос — тот, каким задавался в свое время

Лев Толстой: а почему бы не отделить отобразившуюся в Евангелии философию жизни от церковного вероучения и следовать ей самостоятельно? Хотя бы тогда, когда пропадают прежние жизненные ориентиры, а церковь теряет свой авторитет? Многие изречения Иисуса как раз и касаются вопроса «как жить по-новому?». Не о том ли он чаще всего говорил и со своими учениками-апостолами, и со случайными собеседниками? Не это ли главное в его Нагорной проповеди? И нет ни одного из его высказываний, где бы осуждалось самостоятельное следование духовному пути, который он проповедовал.

Фото: Василий Шапошников / Коммерсантъ

Новый запрос

Потребность вернуться к первоисточнику много раз заявляла о себе в прошлом, и в результате возникали все новые вероучения, в которых вырабатывались свои догмы. Но сейчас,

под влиянием духа нашего времени, ее вызывает еще и запрос на духовную, а не религиозную философию жизни. В западной части христианского мира такое противопоставление даже породило один из вариантов самоидентификации, которая так и звучит: *spiritual but not religious*. Хотя это выражение не имеет своей параллели в российском духовном поиске, но и ему не чужд рост интереса к духовным учениям, не требующим определенной религиозной веры. И при этом предпочитают те из них, которым можно следовать по-своему и самостоятельно.

Поиск альтернатив традиционным христианским вероисповеданиям на Западе переместился в мировое духовное наследие.

Стереотипные представления о христианстве как религиозном культе и вотчине церквей до сих пор основательно мешают западным духовным искателям иначе увидеть свое культурное наследие, да и сказывается девальвация христианских корней своей культуры.

В России, как мне думается, другое положение вещей.

Христианские корни российской культуры не потеряли свою ценность для тех, кто ею воспитан, а отделение евангельской философии жизни от церковного вероучения не представляется столь немыслимым, как это воспринимается на Западе, хотя бы благодаря Л.Н. Толстому. Тем самым российский духовный поиск, на мой взгляд, имеет уже готовый отправной пункт, чтобы прийти к соответствующей нашему времени светской

форме христианства, тем более что к этому еще и подталкивает кризис РПЦ. Нельзя сказать, что в российском обществе созрел конкретный запрос на светское христианство, но есть запрос на то, что оно может дать. А это как минимум способ взаимоотношений с христианским дискурсом тех, у кого пропала православная вера, — и тем более всех тех, у кого ее никогда и не было, но есть потребность в новых, более глубоких ответах на вопрос о смысле собственной жизни.

Желанный противовес

Светскому христианству незачем противопоставлять себя христианским вероисповеданиям, а тем более задаваться целью заменить их собой. Оно также не располагает к созданию властных макроструктур или авторитарных сект, так как опирается не на какие-то новые религиозные догмы или культовые личности, а на общехристианскую духовную парадигму, отразившуюся в Евангелии. Эта особенность породит многообразие форм светского христианства, и не исключено, что какие-то из них будут искать себе опору и в православном духовном наследии.

Если светское христианство станет социальным явлением, то общество, по моему убеждению, выиграет. Философия жизни, поощряющая сознательный отказ от вражды друг с другом, — желанный противовес конфликтам, агрессиям и войнам. И чем больше людей ей будут следовать, тем сильнее он станет.

Сейчас появился повод усомниться в значении православия в России, когда она снова станет частью свободного мира. И тем более непонятно будущее РПЦ. Размышления об идеальной церкви у духовно ищущей части российской интеллигенции никогда не прекращались. Они живы и сейчас и даже кем-то воспринимаются актуальными как никогда. Но, по логике вещей, в наше время актуальны как никогда и мысли о разновидности христианства, в которой какая бы то ни было

церковь не является абсолютной необходимостью. Свободный мир — секулярный мир.

Алла Авилова

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Реинкарнация генерала Роммеля — «блаженный» педофил?](#)

В какую сторону двинулось «православное возрождение» в России, уже не контролируемое официальной РПЦ

15:29, 15 октября 2024, Александр Солдатов